
М.В. ЯСИНСКАЯ

КАЛЕНДАРНЫЕ ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ СЛОВЕНЦЕВ

В похоронно-поминальной обрядности, как правило, больше сохраняются архаические черты, чем в других областях традиционной народной культуры. Она оказывается более устойчивой и менее восприимчивой как к временным, так и к пространственным изменениям (например, в ситуации кросскультурных контактов пограничья), поэтому она представляет особый интерес для исследователей. В настоящей статье речь пойдет о календарно приуроченных поминальных днях у словенцев.

Словения является преимущественно католической страной (за исключением Прекмурья, где наряду с католиками проживают протестанты), поэтому поминальный день приходится на общую для всех католиков дату 1–2 ноября, двоянный праздник, объединяющий День всех святых (словен. лит. *Vsi sveti*) и День поминовения умерших (словен. лит. *Dan spomina na mrtve*). Праздник всех святых был установлен папой Бонифацием IV на 13 мая, первоначально он праздновался как день памяти всех мучеников (Токарев 1978: 18; Kuret 1989: 92). Со временем, когда мучеников в католической церкви канонизировали уже очень много, был введен общий день для поклонения всем мученикам. Затем он постепенно распространился и на других святых, не только мучеников. В IX в. папа Григорий IV перенес празднование Дня всех святых с 13 мая на 1 ноября. День поминовения усопших был назначен позже, в начале XI в. (Ložar-Podlogar 2004: 692; Kuret 1989: 92). Вообще объединение этих двух событий не случайно, так как грань между святыми и простыми умершими не столь очевидна: католики верят, что на самом деле существует гораздо больше праведников, чем официально канонизировано церковью, поэтому в День всех святых также почитаются неизвестные святые праведники, о которых известно только Богу. В день памяти усопших католики молятся о мертвых, особенно о тех, кто пребывает в Чисти-

лище, где, согласно католическому вероучению, Бог очищает души от последствий греха, чтобы они затем могли войти в рай.

Оказавшись в календаре по соседству, эти два события слились в единый обрядовый комплекс, в котором День всех святых выступает как канун дня мертвых: поминальные мероприятия начинаются уже вечером в День всех святых. На эту особенность словенского поминального комплекса обращает внимание А.А. Плотникова (Плотникова 2004: 195).

Несмотря на позднейшее христианское осмысление значения праздника как дня молитвы об усопших (дня, когда Бог отпускает мертвых из Чистилища навестить своих живых родственников), в основе праздника до сих пор лежат архаические языческие представления, связанные с культом предков. Прослеживаются также отголоски древней веры в то, что предки непосредственным образом могут повлиять на плодородие и урожай, следовательно, необходимо их задобрить, чтобы обеспечить себе плодородный и успешный год.

Материалом для данной статьи послужили полевые записи, сделанные в двух пограничных областях: на границе Словении и Венгрии – в Прекмурье и Порабье (экспедиция 2018 г.) и на словенско-итальянском пограничье (работа велась в основном со словенцами, проживающими на территории Италии¹; экспедиции 2017–2019 гг.) (Пилипенко, Ясинская 2018; Пилипенко, Ясинская 2018а). Полевые записи были дополнены материалами из этнографической литературы, привлекались также архивные источники (материалы И.А. Бодуэна де Куртенэ, хранящиеся в Архиве РАН в Санкт-Петербурге).

Номинация поминального дня. Поскольку поминальный комплекс фактически включает в себя два события, номинация может тяготеть или к первому (День всех святых – *Vsi sveti*), или ко второму (День мертвых – *Dan spomina na mrtve*, *Dan vernih duš*). По данным Н. Курета, на которые опирается и А.А. Плотникова при составлении карты (Плотникова 2004: 604–612), на территории Словении распространены следующие наименования поминального дня: 1) связанные с Днем всех святых (01.11): *Vsésvati* (Зильская долина), *Vsi sveti* (Целье, Любляна, Нотраньска, Доленьска, Рибница, Бела Краина), *Sisvejcovo* (Прекмурье); 2) связанные с Днем мертвых (02.11): *Dušni dan* (Прлекия), *Dušno*, *Dušni dan*, *Dušni den*, *Dušje* (Прекмурье), *Dušni večer* (Каринтия), *Dan vernih duš* (Подбюна). Кроме этих двух моделей, имеется также заимствованная форма: на словенско-итальянском пограничье поминальный день называется *Vahti* (*Vahte*), именно так именуют этот день все опрошенные нами информанты. В ка-

¹ Бенечия, или Венецианская Словения, – часть Италии, где проживает автохтонное словенское меньшинство.

честве альтернативы приводилось каноническое словенское церковное название – *Vsi sveti, Dan mrtvih (Dan spomina na mrtve), Dan vernih duš*. От названия *Vahti* было образовано название детей, обходящих дома и собирающих хлебцы (*vahtič*), а также наименование хризантем (типичных цветов, которыми традиционно украшали могилы) – *vahtenci*. Этимологию слова *Vahti* М. Сной возводит к нем. *Weihtag* ‘праздник’. Первоначально заимствованная форма *Vāhtah* воспринималась словенцами как п. п. мн. ч., поэтому к ней была дополнительно воссоздана новая форма им. п. *Vāhte*. Нем. *Weihtag* представляет собой составное слово из *weihen* ‘посвятить’ и *Tag* ‘день’. В словенском языке значение, вероятно, возникло в результате утраты первой части нем. словосочетания **Allerheiligen Weihtag* ‘праздник всех святых’ (Snoj 2015: s.v. *Vahti*). Сами информанты возводят его к нем. *wachen* ‘бдеть’ (слов. лит. *vahta* ‘стража’), этого же мнения придерживается и Н. Курет, а вслед за ним и Х. Ложар-Подлогар, автор статьи в «Словенском этнологическом лексиконе». Возможно, в этом случае происходит аттракция двух заимствованных из немецкого языка лексем – *Weihtag* и *wachen*. Этому способствует также близость контекстов, в которых обе лексемы употребляются. Ср. *vahtati mrliča* ‘сторожить покойного, бодрствовать при покойном’ (из ср.-в.-нем. *Wachte, Wacht* ‘стража’) – в обоих случаях речь идет о действиях, связанных с покойником (Snoj 2015: s.v. *Vahta*). Согласно данным «Словенского этнологического лексикона», название *Vahti*, помимо Бенечии, встречается также в Полянской долине (Гореньска), а также в регионах Нотраньска и Приморска, на Кресе оно отмечено в форме *Vahte* (Ložar-Podlogar 2004: 692).

Богослужение. Все информанты в связи с 1 и 2 ноября упоминали церковные торжества: мессы, усиленную молитву с четками (*rožni venec, rozenkranc* ‘рожанец’), молитвы на кладбищах в сопровождении процессии священников, освящающих могилы (раньше молились у каждой могилы, а сейчас из-за нехватки времени читается общая молитва за всех умерших). Наши информанты не упоминали, однако из литературы известно, что в праздник Всех святых полагалось соблюдать строгий **пост**. Если человек не постился в этот день, считалось, что тогда он должен будет поститься в день памяти каждого святого индивидуально. Детям объясняли, что лучше сейчас попоститься один день всем вместе, чем потом каждому по отдельности терпеть муки в Чистилище (Kuret 1989: 92–93). В Канальской долине в этот день служили когда-то три мессы (Gliha Komac 2014: 52).

Колокольный звон. В Терской долине (Лузевера, Платискис) отмечали, что на *Vahti* целую ночь звонили колокола за *te-rance (te-dušice)* – души умерших. Об особом колокольном звоне говорили и информанты из Надижской долины (ГС, Сан Пьетро-аль-Натизоне), где звон длился час с перерывами. В окрестностях Горицы звонили всю ночь. Считалось,

что звон будит души умерших, приглашая их прийти в мир живых, а звон на следующий день, напротив, сообщает им, что пора отправляться обратно, на тот свет (Kuret 1989: 93–94). В Брдах (АК, Сан Флориано-дель-Коллио) отмечали, что звон продолжался целый день. Необычный колокольный звон, связанный с поминальным днем, вспоминали и информанты в Прекмуре: *Za prvi november to kar se jaz spomnim, v Nedeljice se je zvonilo vsako uro, za rajne, ne, potem tudi so molitve bile za rajne v župninski cerkvi, ne... je pa v vsakem zvoniku najmanjši zvon, pravijo mi slovensko nauček, ne vem kak je po prekmurske, pravijo vedno ko za verne duše zvonijo, ne...* [На первое ноября, это я еще помню, в Неделице звонили каждый час за покойных, потом еще и молитвы были за покойных в приходской церкви... на каждой колокольне самый маленький колокол, словенцы его называют «научек», не знаю, как по-прекмурски, говорят, что он всегда звонит «за верные души»...] (ВК; Неделица). В Прекмуре некоторые зажиточные семьи платили звонарям, чтобы они отдельно звонили за умерших в этих семьях (Pšajd 2017: 186). О роли и значении колокольного звона говорит и тот факт, что, когда умирал кто-то, по характеру зауспокойного звона можно было определить, умер человек из данного села или из соседних, мужчина или женщина, молодой или пожилой (АВ, Крижевцы в области Горичко).

Посещение кладбищ. Накануне праздника убирались на кладбищах, украшали могилы. В Канальской долине (АВ, Уговицце) украшали мхом и бумажными цветами, в послевоенное время торжества происходили также у военных памятников и могил. На кладбищах зажигались свечи, по тому, как горит свеча (ровным или неровным пламенем), можно было судить, перешли умершие в рай или еще страдают в Чистилище. Словенцы верят, что в этот день умершие, которых временно выпускают на землю, сидят на своих могилах и ждут тех, кто придет их проведать (Kuret 1989: 94). В этот день нельзя смеяться, нельзя ходить в кабак, следует только молиться «*za verne duše*». Молятся с рожанцем (католическими четками) и кадят можжевельником, так как верят, что этот дым нравится мертвым. В настоящее время информанты сетуют, что посещение кладбищ превращается в некоторое соревнование – кто богаче украсит могилу, однако еще Н. Курет об этом писал применительно ко второй половине XX в. (Kuret 1989: 93). Информанты сообщают, что некоторое время назад, когда появились пластиковые фонарики, заменившие обычные восковые свечи, родственники старались поставить на могилу как можно больше таких фонариков². Также пожилые люди с сожалением

² В последнее время этот обычай осуждается, против него выступают в том числе и священники, так как пластик загрязняет окружающую среду, а забота об экологии в наши дни ставится в Европе во главу угла.

констатируют, что священник теперь не уделяет внимания каждой могиле, молится на кладбище в одном месте (например, в часовне или у общего креста) за всех покойников, на нем похороненных, тогда как раньше обходили с процессией все могилы.

Обрядовая пища. Поминальная пища, которую готовили в Словении, различалась в зависимости от региона и его кулинарных традиций: если на западе это могла быть полента (ит. *polenta* – каша из кукурузной муки), то на северо-востоке – различного рода выпечка типа штруделя. Так, кукурузная каша и каштаны в качестве поминального блюда встречаются в Терской долине: *ocikana*, *pólita* – полента, политая маслом (VČ, Лузевера; Таипана, Монтеапета), печеные каштаны (ММ, Платискис). В Прекмурье и Порабье в качестве поминального блюда встречается каша из проса, еще упоминаются особые пироги с начинкой из репы – *repnjače*, а также другая выпечка: *beliše*, *kropce*, *zolniki* (*zoyniki*), *bibe*, *retaše* – штрудели из вытяжного теста с различными начинками. В функции ритуальной пищи, которую оставляли для мертвых на ночь, использовалось также мясо (чаще куриное), виноград (Pšajd 2017: 186–187).

Поминальный хлеб (хлебцы). Вообще поминальный хлеб в том или ином виде известен практически всем словенцам. Различается состав (мука, наличие или отсутствие начинки), форма, количество, способы раздачи и адресаты, его получающие. Чаще всего в качестве поминального хлеба использовались специально испеченные булочки (*kruhki*), которые раздавались нищим или детям (обычай раздавать хлеб в некоторых регионах был приурочен также и к крупным похоронам). В регионах Гореньска, Доленьска и частично Нотраньска их пекли из гречневой муки или из муки различных сортов. Самое распространенное название этих булочек – *prešce* или *preščice*, в области Доленьска – *oprešce*, в окрестностях Церкна – *prešcarji*. По мнению Ф. Безлая (Bezljaj 1995, III: 115), а вслед за ним М. Сноя, слово *pręsta* заимствовано из ср.-в.-нем. бавар. исходного слова, соответствующего ср.-в.-нем. *brez-te*, ст.-в.-нем. *brezziita* ‘presta’, которое является заимствованием из ср.-лат. **brac(c)hītum* ‘печенье, форма которого напоминает скрещенные руки’. Это слово в свою очередь заимствовано из латинского *brac(c)hiātus* ‘имеющий руки’, производного от лат. *brac(c)hium* ‘рука, часть руки между локтем и запястьем’ (Snoj 2015: s.v. *Pręsta*). Интересно, что от этого же немецкого заимствования происходит и венг. *perec* ‘пирог’, широко используемое в Прекмурье и Порабье (Bezljaj 1995, III: Ibid.). Н. Курет объясняет это наименование через связь с прилагательным *presen* ‘пресный, не кислый’ (хлеб), что, очевидно, можно отнести к области народной этимологии (Kuret 1989: 96). В Словении встречаются и другие названия хлебцев, выпекаемых на поминальные дни: например, в Чернучах близ Любляны

эти хлебцы назывались *dušice*. Название поминального хлеба *dušičku* известно также в Чехии (Валенцова 2016: 67). В области Нотраньска, особенно в районе Роут над Логатцем, они называются *vahtiči, vahčiči, vahčiki*, в Жирах – *vahče* (название, производное от наименования Дня мертвых – *Vahte*). В Каринтии в Роже пеклись хлебцы продолговатой формы, называемые *krži (kržiči, kržeji)*, а дети, которые их собирали, соответственно именовались *kržarji*. Наименование, производное от этого же корня, – *kržiče* встретилось и в Канальской долине (LS, Кампоросо). Одновременно в Каринтии пеклись и другие виды поминального хлеба, названия которых мотивированы, как правило, наименованием сорта муки, из которого они изготавливались: *sirkovec* (кукурузный, от *sirek* ‘кукуруза’), *ajdovec* (гречневый) и т. д. В восточной Штирии (Мурско поле) на поминальные дни пеклись творожные пироги *krapce (krapče, krapci)* для того, чтобы подавать их в качестве милостыни бедным. В Штирии (Мотник) хозяйки также пекли гречневые *žganci*. Наконец, поминальные булочки могут именоваться *hlebci (hliebac – Nsg)*. Например, такое название встретилось в наших полевых записях из д. Соводне (провинция Гориция): *sno hodili po hišah pobirat hliebac* [мы ходили по домам собирать хлебцы] (МČ, Савонья д’Изонцо).

В Бенечии каждая хозяйка пекла хлебцы из кукурузной или ячменной муки размером 10–12 см в углях и золе. Потом, под фриульским влиянием, их стали делать из пшеничной муки, позднее отдельные хлебцы заменили фриульские *panjote*, состоящие из четырех или восьми частей (*kroštinov*), которые можно было разделить на отдельные части (Kuret 1989: 99). Наши информанты в Бенечии для поминального хлеба также используют слово *prešce*; название *vahtiči, vahni hleb* в значении ‘поминальный хлеб’ нами зафиксировано не было (хотя эти наименования упоминаются Н. Куретом с локализацией в окрестностях Горицы и на Красе). В Трчмуне (Терцимонте) хлебцы назывались *vahče, vahčiče* (Kuret 1989: 99). Также в Бенечии параллельно встречается наименование *hlepčiči* (ЕС, Массаролис), *hlepce* (РТ, Терцимонте), которое употребляют наши информанты. Характерной чертой данного региона можно считать то, что наряду с типичным для словенцев названием в Бенечии фигурируют итальянские аналоги: *panin, panjut, panjoka (panjota, panjola): čekor so bli žlahta, kje, so dal po dva panina* [а если были родственники где-то, давали по два *панина*] (МТ, Вернассо), также был зафиксирован обычай раздавать наряду с хлебом кукурузу (SB, Кросту).

Соответственно, обычай ходить собирать хлеб по домам имел наименования: *hlébce brát* (Трента), *hlébce nabirat* (Брда), *hlébce zbirat* (Верхнесавская долина), *prešice brát* (Гореньска), *prešice pobirat* (Толмин, Идрия, Церкле), *gredó na krúhe* (Железники), *hódití po krápiče* или *krápčevat* (Зильская долина) (Šega 2004: 470–471).

Способы раздачи хлеба. Испеченные ритуальные хлебцы могли предназначаться, во-первых, для членов семьи (они съедались во время семейной трапезы); некогда этот хлеб делили между собой все домашние, включая тех, кто служил при доме; в некоторых местах его давали всем, кто помогал при уборке жита (гречихи) (Kuret 1989: 97). Во-вторых, хлебцы могли предназначаться в качестве милостыни за помин душ умерших. Хлеб могли раздавать у кладбищенских ворот или около церкви (такой обычай зафиксирован в Штирии в окрестностях Лютомера и в Глобаснице). Вместе с хлебом иногда угощали яблоками, грушами, картофелем, кукурузой. Хлебцы дарили с тем, чтобы принимающий их молился за умерших. Обычай раздавать хлебцы (и, соответственно, ходить собирать хлебцы) распространен в большинстве регионов Словении. При этом, как правило, речь идет именно об обходах домов на День всех святых или в День верных душ. Каждая семья должна была отправить кого-то за хлебцами, обычно в этих обходах участвовали женщины или дети. При этом нужно было обязательно постучаться в каждый дом: если в каком-либо не появишься, будет большая обида, которую обидчикам не простят, а припомнят в течение года; причем обида не для живых, а для мертвых. Нужно было идти также в дома тех, с кем плохие отношения, потому что обиды живых не должны касаться мертвых (Kuret 1989: 99). Каждый собирающий получал столько хлебцев, сколько человек в его семье (или же по количеству покойников в той семье, которая раздает хлебцы), и все должны молиться за души той семьи, которая подает хлеб. В Бенечии родственникам выделяли больше хлебцев, иногда целую паньоту (*panjota*), в некоторых домах вместо хлебцев давали кукурузные початки, *panole* (*panovlju kukuruze* – GC, Понтеакко).

Когда подавали такой хлебец, нужно было отвечать: «*Bog se usmili vernih duš v vicah!*» [Да смилуется Бог над верными душами в Чистилище]; «*Boglonaj vam in vernim dušam v vicah!*» [Бог отблагодарит вас и верные души в Чистилище] (Kuret 1989: 98). В окрестностях Идрии полагали, что получившие такой хлебец должны прочесть за умерших столько раз молитву «Отче наш», сколько травинок уместится под этим хлебцем, если его положить на землю, то же самое говорили детям в окрестностях Церкно (Ibid.). В ряде поверий, связанных с раздачей поминального хлеба, прослеживается архаическая связь культа мертвых с плодородием. В некоторых домах пекли несколько сотен таких хлебцев и все старались раздать, так как это грозило неурожаем в следующем году, оставшиеся не розданными хлебцы – плохая примета, чем больше их раздать, тем лучше (Ibid.: 97).

Судя по данным, зафиксированным в этнографических источниках, на которые ссылается Н. Курет, хлебцы изначально собирали нищие, затем их постепенно заместили дети (нищие исчезли, изменилось

отношение к бедности). В окрестностях Шкофья-Локи хлеб подавали в окно нищим, которые бродили группами. В окрестностях Бледа хлебцы раздавали детям (Горье), беднякам давали в районе Менгеша. В области Доленьска хлебцы собирали дети бедных родителей. Наутро дети считали, кто сколько хлебцев добыл. В западной Словении (Трента) мельники изготавливали хлебцы из кукурузной муки для всех своих клиентов. В источниках конца XIX в. сообщается, что некоторые нищие набирали столько хлеба, что его хватало на несколько месяцев, даже приходилось засушивать хлебцы на зиму. В Каринтии пекли на Всех святых или *sirkovec*, хлеб из кукурузной муки, или *mižnjak* – из ржаной, или *ajdovec* – хлеб из гречневой муки, молока и меда, а сверху посыпали маком. В Штирии в окрестностях Лютомера хозяйки пекли *krapci* – тонкие пироги, намазанные сыром, затем они несли эту выпечку и молодое вино к церкви, а потом раздавали это все бедным. В этот день даже деревенские пастухи не ходили на пастбище, а ходили с корзиной от дома к дому и просили пироги, яйца, сыр – кто что даст. В Каринтии в Подьюне перед Второй мировой войной пекли маленькие продолговатые хлебцы или хлеб из ржаной муки, который резали на кусочки. В Глобаснице поминальный хлеб называли *mižnjak*, его делили около церкви. С упадком натурального хозяйства вместо хлеба стали подавать беднякам деньги. Интересная деталь, не отмеченная больше нигде в Словении, – это особая форма хлебцев: в Пилберке пекли хлебцы в виде земли с врезанными в нее крестами. Их полагалось есть еще горячими. При выпекании хозяйка бросала один хлебец в огонь, приговаривая, что это «*za duše v vicah*» [за души в Чистилище] (Kuret 1989: 103). Подобный обычай бытовал и в Венеции: *Moja kužina je guorila, de se marve varže tu oginj za te dušice. So nimar pravli, de za Vaht dušice so uone an de se vračajo tu njih hiše* [Моя двоюродная сестра говорила, что в огонь бросали крошки для душичек. Всегда говорили, что на День мертвых душички выходят и возвращаются в свои дома] (Tomasetig 2010: 99).

В окрестностях Церкна существовало поверье, что кто раздаст больше хлебцев, тот сам после смерти быстрее преодолет Чистилище и попадет в рай. В окрестностях Випавы кроме хлебцев также раздавали каштаны (каштаны считались поминальным блюдом в Европе, например во Франции). В Италии еще со времен древнего Рима существовал обычай поминать умерших бобами. Их раздавали также за помин души; в наше время бобы заменили конфеты, по форме напоминающие бобы (Токарев 1978: 18). В Венеции в качестве участников обходов наши информанты называли в основном детей (многие вспоминали, как сами детьми ходили собирать хлебцы – *prešce brat*). В этот день не ходили в школу и прямо с утра шли с мешками, которые им шили родители из старой одежды, за хлебцами. Дети приносили полные мешки таких

хлебцев, затем возвращались домой, высыпали добычу и снова шли собирать. В Надижской долине раньше также подавали картофель, кукурузу, кто был побогаче – также и деньги. Хлебцы пеклись не во всех семьях, а только в более зажиточных. Их раздавали более бедным семьям (это был хлеб «*za te-dušice*», «*za vaht*»). Дети брали хлеб и молились за души умерших (подробнее о раздаче хлеба в Надижской долине см.: Specogna 1959: 210–211). В некоторых регионах сборщики хлебцев обозначались особым термином. Так, например, в Брдах они назывались *vahtiči*, кроме хлеба им давали орехи, фиги, печенье, каштаны, фрукты, кто-то давал деньги, у кого что было. Иногда ходили и взрослые из бедных семей (ML, Малкина).

В Надижской долине вечером на День всех святых также практиковались обходы домов женщинами-«колядницами», они пели или читали специальные *dušne kolednice* («задушные колядки») (Kuret 1989: 100–101). Интересно, что в Прекмурье и Порабье, где обходы домов практиковались во все зимние календарные праздники, именно обходов, связанных с поминальными днями, отмечено не было. Поминальный хлеб пекли для домашних, а также оставляли на ночь для якобы возвращающихся в эту ночь душ предков.

Раздача поминального хлеба нищим и детям символизирует угощение душ покойников. Вероятно, этот обычай является более поздним по сравнению с оставлением пищи для умерших в домах (и на могилах). Он возник благодаря тому, что христианская церковь видоизменила архаический обряд жертвоприношения душам предков с целью задобрить их, так как они могли повлиять на урожай в будущем году, заменив его раздачей хлеба в качестве милостыни, с тем чтобы получающие ее молились за души усопших.

Гости с того света. По данным Н. Курета, вера в то, что мертвые в эти дни возвращаются в свои дома, распространена практически по всей Словении (и, шире, по всей Европе; например, о фриульских поверьях, связанных с Днем мертвых, см. Nicoloso Ciceri 1982: 892). Этой верой обусловлены различные обрядовые действия, совершаемые в это время в доме. Согласно архаическим представлениям, основное, в чем нуждаются гости с того света, – это пища, свет и тепло.

В Терской долине после ужина оставляли на столе немного пищи, потому что верили, что ночью покойники (*te-ranci*) возвращаются в свои дома (VČ, Лузевера). Также для них зажигали свет и не запирали дверь, чтобы они могли найти дорогу. В Плестище рассказывали, что в каждом углу дома в этот день сидело по одной душе: *tu wsacim piču je biw dan* [смех] *ka so štiri piču, ko angoli... na wsaket kotu je bič, ená dušica* [в каждом углу был один, вот четыре угла, как ангелы... в каждом углу было по одной душечке] (MM, Платискис). В Надижской долине ставили свечи в

разных местах дома: *Za te martve so kladli lumine če na okna an če na vrata an če po hiš. Toule za te martve, ki tisto nuoč se vračajo* [Для мертвых ставили свечи на окна и над дверью и по дому. Это делали для тех мертвых, которые возвращаются в эту ночь] (Tomasetig 2010: 92).

В Канальской долине полагали, что вечером накануне нужно посылнее протопить дом, потому что мертвые приходят погреться (AV, Уговицце). В Зильской долине топили печь и ставили возле нее лавку, на которой раскладывали зимнюю одежду, чтобы души могли отдохнуть в тепле (на эту лавку нельзя было садиться никому из живых), а если кто-то не подготовил такой лавки – слышал ночью плач и скрежет зубов (Kuret 1989: 102). Обычай жарко топить печь, чтобы согреть покойников, известен также в Германии (Токарев 1978: 138). С этой же целью зажигали лампаду: *so dali v en kozarec malo olja in vode in potem gor so dali... lučka... mama je zmeraj nardila ogenj tam, da je blo zelo toplo, ker je rekla, da se... duše se pridejo segret* [в стакан наливали немного масла и воды и потом туда вставляли фитиль... огонек... мама всегда разводила огонь, чтобы было очень тепло, потому что она говорила, что души придут греться] (Gliha Komac 2014: 52). Святой водой души должны омыться и охладиться, маслом умастить раны, свет освещает им затемненные глаза, они подкрепятся хлебом из домашней муки (Kuret 1989: 94). В Жабницах (Camporosso) боялись душ, полагая, что они прячутся в доме под лавками (Ibid.).

Пищу для покойников оставляли на ночь на столе и в Порабье: *Na sisvejcovo večer so tū navado meli stari lidgé, večfelé rani na stoli njavati. Zdaj prej pridejo nazaj pokojne duše, ka do tan jele na tisti stoli. In celau, ka na drugi dén dušni dan, ka duše prej domau idejo na svoj dom, vsaka se ranit* [Вечером на праздник Всех святых у стариков здесь был обычай оставлять на столе множество разных блюд. Якобы тогда должны были вернуться души покойных, и они должны были угощаться за этим столом. И вообще на следующий день, на День мертвых, души приходили, говорят, домой, каждая в свой дом, и они должны были насытиться] (Priповedno izročilo 2017: 185). Пищу ставили на стол или на подоконник (в Прекмурье часто на подоконник с внешней стороны дома): обычно это были хлеб, вода (или вино), но могли быть и другие блюда: например, в Штирии готовили специальную кашу, а также оставляли на столе хрен, чтобы покойники им подкрепились. В Дравской долине ставили тарелку каши, в других местах святую воду или немного вина. В Бенечии (Надижская долина) для мертвых готовили поленту и каштаны: *Je bla Nuoč od te dušic an moja mama je bla skuhala pulento an potle je šla h maš. Nan je jala: – Na stuojta jo smiest vso, pustita no malo pulente, zaki naco pridejo te dušice an snejo no malo popijo uoz čandierja. Smo bili vajeni pustit za jest kostanj, pulento... Se zmislín šele moja mamo, ki je rekla: – Posluš, čuješ, kuo hodijo du hiš počaso, počaso* [Была Ночь

этих душ, и моя мама готовила поленту и потом шла к мессе, а нам говорила: «Не смейте ее всю съесть, оставьте немного поленты, потому что придут душечки и поедят ее немного и попьют из медного ковша». Мы обычно оставляли каштаны, поленту... Вспоминаю маму, которая говорила: «Послушай, слышишь, как ходят по дому тихо-тихо»] (Tomasetig 2010: 93). В одном из мифологических рассказов, записанных А. Томазетич, ребенок, не послушавшись матери, съедает всю поленту: *No lieto san bla nardila pulento, držin na pamet, san bla takuo majhna, de niesan rivala jo zavarnit go na mizo, anta san ložla gor anta san sniedla. Moja mama nie bla. Alora, jest na vien, al san pensala, ki j'pravla moja mat, de pridijo. – Al pustiš kiek za me? – slišim besiedo. Na vien, če je bluo ries al sen pensala* [Один год я приготовила поленту; помню, как сейчас: я была такая маленькая, что не могла дотянуться, чтобы поставить ее на стол. Я ее положила и потом съела. А мамы не было дома. И вот я не знаю, или мне показалось, потому что мама говорила, что они придут. «А ты оставишь что-нибудь для меня?» – услышала я слова. Не знаю, это на самом деле было или мне показалось] (Ibid.: 92).

В винодельских регионах существовали особые обычаи, связанные с Днем мертвых. Вино (а точнее винное сусло, поскольку вино к этому моменту еще не созрело, – считается, что оно становится готовым к употреблению ко дню св. Мартина 11 ноября) часто упоминается в составе поминальной пищи. В Помурье (Свети Юрий об Щавнице) верили, что на *Dušno* покойники приходят в свой дом, для них на столе оставляли бокал вина, чтобы они ночью пришли и выпили его (Kuret 1989: 95). В Брдах хозяева между послеобеденным звоном за души умерших пробуют в подвалах вино, при этом говорят, что они «пьют за души». Вообще в Брдах существовал обычай последнюю чарку выпивать за души (не только в поминальные дни). О традиции пробовать первое вино на День мертвых упоминает информант с Краса (АК, Сан Флориано-дель-Коллио). В Белой Крайне (Драшичи) хозяин на День мертвых спускался в подвал и раскручивал пресс для вина, на случай, если какая-нибудь душа в нем случайно застряла, чтобы ее освободить.

Когда еда, предназначенная для покойников, наутро оставалась на столе, это никого не смущало, всё равно верили, что мертвые приходили. Впоследствии ее благословляли и съедали живые, считая эти дары священными и приносящими здоровье и пользу (Kuret 1989: 95). Наши информанты в Прекмурье предполагали, что пищу, оставленную для мертвых, ночью съедал или выпивал кто-либо из домашних: *je mama spekla krapce, to je ta pogača na kvašenom testi s skuto ali s proseno kašo, in da je mama to vedno nastavila v kūjni da če pridejo verne duše nazaj... se je pa nastavljalo na prvi november, ja... potem je, seveda, mama šla na stranišče ponoči ali pa oče, pa si je vzela, ne... zjutraj pa so pravili, da so verne duše*

pojele, ne... [мама пекла «кrapцы», это такой пирог из дрожжевого теста с творогом или с просяной кашей. Мама всегда его оставляла на кухне, чтобы, когда души вернутся... это делалось на первое ноября, да... Потом, конечно, мама ночью шла в туалет или отец, и они это съедали, а утром говорили, что это съели души...] (ВК, Неделица).

Встреча с мертвыми. Приход мертвых можно было услышать — они выдавали себя стонами, стуками или «поющим» пламенем в очаге (Kuret 1989: 94). Следы их можно было увидеть, если рассыпать по полу пепел, в котором наутро и останутся отпечатки их ног (ЕС, Массаролис). Этот же обычай был распространен и в Терской долине в Чернее (Cerngeu), где был записан мифологический рассказ о том, как покойники наказали человека, осмелившегося с помощью пепла обнаружить их присутствие (Kuret 1989: 94). Данный мотив вообще широко известен как западным, так и восточным славянам (Валенцова 2016: 211).

В Марсине (Mersino) в этот вечер старались лечь спать пораньше, чтобы, когда придут души, они никого не встретили. *So pravli te stari, de pridejo dušice, de tiste dni dušice so uone an de na hode uon ponoč* [Старики говорили, что придут душечки, что в эти дни душечки ходят, поэтому ночью нельзя выходить из дому] (Tomasetig 2010: 98). В Прекмурье, если дети выходили на улицу в эти дни, им запрещали заглядывать в окна дома, чтобы не умер никто из домашних (Pšajd 2017: 188).

Некоторым даже удавалось увидеть покойников собственными глазами. Информанты в Порабье рассказывали, что мертвые в эту ночь служат свою мессу, и их можно случайно встретить на дороге: их узнаешь, потому что все они будут идти без головы (ср. название детей, умерших до крещения, *brezglavjeki*) (АВ, Arátistvánfalva). Поверье, связанное с процессией покойников в День мертвых, встретилось и в записях И.А. Бодуэна де Куртенэ, сделанных в провинции Гориции (Пьюма): *Čě sь yrjъ zvьčĭĕr na vĭĕrnix duš dĭn ūd adnĭjstja ūrjъ du pĭnučĭ pu pŕŕti, čь pridĕ ŋ tĕk xĭp, sь sriĕča čĭĕlu trŭmu dŭš. Őnĭ so wsĭ ū b:ĭĕlim ubli:ĭčĕnĭ; kŕ pasĭju rĕvŋ ĭluv:ĭĕka, s' mŕŕzĕ uŕŕnt na strĭn ŋ s' mŕŕzĕ rĕč "xwĕl:ŋ buŕŕdi Jĕžus Kristus", alpŕj sĭ mŕŕzĕ mičĕt. Čь nĕ, rĕstĭŕjaju ĭluv:ĭĕka* [Если кто-то идет вечером на День верных душ от одиннадцати часов до полуночи по дороге, в определенный момент ему встречается целая толпа душ. Они все одеты в белое; когда они поровняются с человеком, он должен уйти с дороги и произнести: «Слава Иисусу Христу!», или же нужно молчать, иначе они растерзают человека] (Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 102. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 53)³. В Рибницкой долине полагали, что души, осво-

³ Работа в Архиве РАН в Санкт-Петербурге велась в рамках билатерального проекта со Словенией BI_RU/16–18–035 «*Pridobivanje, izmenjava in valorizacija terenskega gradiva za diahrono folkloristične in dialektološke*

бодившись от мук Чистилища на целые сутки, возвращаются в свои дома и сидят целую ночь при печи, а в полночь они собираются в церковь к своей полунощнице. В окрестностях Камника (Жале) рассказывали, что во время своей мессы мертвые играют на органе, но нажимают только на черные клавиши (Kuret 1989: 102). В Бенечии также известны поверья о мессе для покойников, которую вынуждены посещать души тех, кто при жизни не ходил в церковь: *Je šu blizu ne cerkve an je ču ku molit an skuoze kjučanco je pogledu an je vidu punu cierku judi brez glave ki so molil. An ti stari so pravli, de tisti, ki nieso hodil h maš, muorjo hodit h maš, potle k' so mrtvi. An se zveličejo* [Один человек шел мимо церкви и услышал, что там молятся, посмотрел в замочную скважину и увидел, что в церкви полно людей без головы, которые молятся. Старые люди говорили, что те, кто не ходил к мессе, должны ходить после смерти, пока себя не искупят] (Tomasetig 2010: 99). Сюжет о полуночной мессе, на которой молятся покойники, широко известен и в других областях Словении, например в Брдах, где эти рассказы напрямую не связаны с Днем мертвых (во всяком случае, в записанных текстах нет указания на время, когда происходит это событие) (Stres et al. 2008: 71). Поверья о ночной мессе мертвых, приуроченной ко Дню мертвых, известны и в Южной Моравии – на эти мессы якобы сходятся те, кто умер в течение года (Валенцова 2016: 67).

В окрестностях Гориции старались не отлучаться в поминальные дни из дома; этот же запрет действовал и в Бенечии: все домочадцы должны были вернуться домой, чтобы посетить могилы предков (Kuret 1989: 93). Уезжать на эти дни из дома остерегались также французы, опасаясь, что мертвые могут причинить вред в наказание за непочтение (Токарев 1978: 35).

В Рибницкой долине, прежде чем ложиться спать в День мертвых, зажигают щепку, бросают ее на пол, чтобы она горела вместо душ в Чистилище. По всей Словении известен обычай, когда случается какой-либо ущерб, говорить: «*Naj bo za duše v vicah*» [Пусть это будет за души в Чистилище] (Kuret 1989: 96). Если просыпалась или проливалась какая-нибудь еда, говорили, что это «*za verne duše*». Этот архаический обычай актуален до сих пор, что мы наблюдали своими глазами в Бовце во время экспедиции в июне 2019 г.: когда хозяйка случайно пролила кофе на плиту, ее гостья сказала: «*Naj bo za verne duše!*» [Пусть это будет для душ умерших!] (ЖК, Бовец).

Поминальные костры. Обычай жечь костер на День мертвых в Железниках (область Гореньска), относящийся к середине XIX в., упоминает Н. Курет. От праздника Рожанца (начало октября) до дня всех святых

---

raziskave» (2016–2018) (руководитель – Б. Иванчич Кутин), финансируемого ARRS. Транскрипция записи подготовлена К. Кенда-Еж.

парни ходили каждое воскресенье на окрестный холм и собирали там хворост, половину откладывали, а половину зажигали. На праздник Всех святых они складывали из приготовленного хвороста большую гору (похожую на костер), сначала сидели около него и вспоминали мертвых, а когда начинали звонить «Ave Maria», зажигали освященную свечу и ею поджигали приготовленную кучу хвороста. Когда в церкви начинали звонить к молитве за умерших, парни что есть мочи бежали к церкви. Около огня, говорят, можно было увидеть во время этого звона смутные образы умерших. Вечерний костер перед Днем мертвых в других регионах не отмечен (Kuret 1989: 95). Поминальные костры в Европе известны во Франции: в провинции Пуату разжигали костры на полях, сжигали папоротник, ветви ели, солому, а в золе жарили каштаны, а на острове Корсика костры разводили на церковной площади (Токарев 1978: 35).

Выводы. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать некоторые выводы. Поминальные обычаи словенцев неоднородны. Обрядность календарных поминок словенцев в Италии в целом сходна с обрядностью словенцев, проживающих в Словении, при этом наблюдаются заимствования (или, по крайней мере, параллельное существование итальянских терминов наряду со словенскими: например, *hliepčič* и *panjoka*). В Бенечии прослеживаются также параллели с соседними славянскими, а также европейскими (романскими и германскими) традициями (каштаны или полента в качестве поминальной пищи). В памяти информантов жива традиция обхода домов детьми, а также архаические представления о том, что души умерших пребывают в это время в своих домах. Полевые исследования показали, что вера в возвращение покойников в свои прежние дома хорошо сохраняется в селах Терской, Надижской и Канальской долин. А вот в окрестностях Гориции и на Кресе информанты об оставлении на ночь пищи для покойников уже не помнят (или не желают говорить на эти темы). Возможно, данная особенность связана с большей урбанизацией данной территории по сравнению с другими.

Что касается Прекмурья и Порабья, здесь также стойко сохраняется память о том, что умершие навещают родных, а также о традициях, связанных с угощением душ в эти дни. Воспоминаниями об этом информанты охотно делятся с собирателями. Обходы домов в этом регионе не практикуются. Следует отметить, что, согласно данным этнографической энциклопедии, обходы домов на 1–2 ноября не встречаются и в соседней Венгрии. Поминальная пища раздается венграми на кладбище, а также оставляется дома на ночь, чтобы души, навещающие свои дома, могли насытиться (Magyar néprajz: s.v. *November 1, November 2*). Поминальная выпечка в Прекмурье и Порабье более разнообразна, чем на словенско-итальянском пограничье: она включает разные виды пирогов (*perece*) с различными начинками – *repnjače*, *zoujnik* и др.

Очевидно, что традиционная обрядность этого дня у словенцев как в Италии, так и на словенско-венгерском пограничье подверглась утратам и трансформации, которая происходила, с одной стороны, благодаря активной деятельности церкви, искоренявшей архаические языческие представления, с другой стороны, из-за объективного изменения внешних условий (утраты крестьянского быта и традиционного хозяйства), с третьей – она продолжает разрушаться в настоящее время под влиянием глобализации. Например, информанты отмечают, что современная молодежь вместо того, чтобы в эти дни придерживаться старых обычаев поминовения усопших, все чаще и чаще перенимает чуждые традиции «американского Хэллоуина», что оценивается негативно: в этот день нужно молиться о душах покойников, а не праздновать и веселиться. Кроме того, на пограничных территориях даже в такой, казалось бы, устойчивой области народной духовной культуры, как поминальная обрядность, ощущается некоторое влияние традиций соседних народов (фриульцев и итальянцев на словенско-итальянском пограничье и венгров в Прекмурье и Порабье), особенно это касается обрядовой терминологии.

Литература и источники

- Валенцова 2016 – *Валенцова М.М.* Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект. М., 2016.
- Пилипенко, Ясинская 2018 – *Пилипенко Г.П., Ясинская М.В.* Экспедиция к словенцам в Италии // *Славяноведение*. 2018. № 1. С. 106–111.
- Пилипенко, Ясинская 2018а – *Пилипенко Г.П., Ясинская М.В.* Язык и культура словенцев в Прекмурье и Порабье // *Славяноведение*. 2018. № 6. С. 60–73.
- Плотникова 2004 – *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
- Токарев 1978 – *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX века. Летне-осенние праздники* / Отв. ред. С.А. Токарев. М., 1978.
- Bezljaj 1995 – *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. T. III. P–S / Ur. M. Snoj, M. Furlan. Ljubljana, 1995.
- Gliha Komac 2014 – *Gliha Komac N.* Ljudska religijnost v Kanalski dolini. O umiti in v prt zaviti lobanji. Ljubljana, 2014.
- Kuret 1989 – *Kuret N.* Praznično leto Slovencev. Starosvetne šege in navade od pomladi do zime. Knj. 2. Ljubljana, 1989.
- Ložar-Podlogar 2004 – *Ložar-Podlogar H.* Vsi sveti // *Slovenski etnološki leksikon* / Ur. Angelos Baš. Ljubljana, 2004. S. 692.
- Magyar néprajz 1990 – *Paládi-Kovács A., Szilágyi M., Égető M., Kupó J.* Magyar néprajz. Budapest, 1990. <http://mek.niif.hu/02100/02152/html/07/172.html> (дата обращения 22.08.2019).

- Nicoloso Ciceri 1982 – *Nicoloso Ciceri A. Tradizioni popolari in Friuli*. Udine, 1982.
- Pripovedno izročilo 2017 – Pripovedno izročilo Slovencev v Porabju: Pravlјice in povedke z zvočnih posnetkov Milka Matičetovega / Ured. M. Kozar Mukič, D. Mukič, M. Krojeј Telban. Ljubljana, 2017.
- Pšajd 2017 – *Pšajd J. Čez ta prag me bodo nesli, ko zatisnil bom oči: smrtne šege in pogrebne prakse Pomurja in Porabja*. Murska Sobota, 2017.
- Šega 20004 – *Šega P. Prěšice // Slovenski etnološki leksikon / Ur. Angelos Baš. Ljubljana, 2004. S. 470–471.*
- Snoj 2015 – *Snoj M. Slovenski etimološki slovar*. <https://fran.si/iskanje?FilteredDictionaryIds=193&View=1&Query=%2A> (дата обращения 08.07.2019).
- Specogna 1959 – *Specogna M.E. Distribuzione del pane par la festa dei defunti*. Udine, 1959.
- Stres et al. 2008 – *Stres P., Medvešček P., Devetak V., Dolenc J., Zuljan Kumar D. Zlata koza pod razvalinami: Vjedence in druge folklorne pripovedi iz Brd in okolice Gorice*. Celje, 2008.
- Tomasetig 2010 – *Tomasetig A. Od Idrije do Nediže / Dal Judrio al Natisone*. Benečija – Slavia Friulana. Udine, 2010.

Список информантов

- AB, Апатиштванфалва (венг. Arátistvánfalva, словен. Števanovci) – жен. 1939 г. р. (зап. 2018 г.).
- AB, Крижевцы в Гориčko (словен. Križevci na Goričkem) – муж. 1947 г. р. (зап. 2018 г.).
- AK, Сан Флориано-дель-Коллио (ит. San Floriano del Collio, словен. Števerjan) – муж. 1940 г. р. (зап. 2017 г.).
- AV, Уговище (ит. Ugovizze, словен. Ukve) – жен. 1960 г. р. (зап. 2017 г.).
- BK, Неделица (словен. Nedeljica) – муж. 1982 г. р. (зап. 2018 г.).
- EC, Массаролис (ит. Massarolis, словен. Mažerole) – жен. 1949 г. р. (зап. 2019 г.).
- GC, Понтеакко (ит. Ponteacco, словен. Petjag) – муж. 1944 г. р. (зап. 2017 г.).
- GC, Сан Пьетро-аль-Натизоне (ит. San Pietro al Natisone, словен. Špeter) – муж. 1933 г. р. (зап. 2017 г.).
- JK, Бовец (словен. Bovec) – жен. 1957 г. р. (зап. 2019 г.).
- LS, Кампоросо (ит. Camporosso, словен. Žabnice) – жен. 1929 г. р. (зап. 2019 г.).
- MČ, Савонья д'Изонцо (ит. Savogna d'Isonzo, словен. Sovodnje) – жен. 1942 г. р. (зап. 2017 г.).
- ML, Малкина (ит. Malchina, словен. Mavhinje) – жен. 1965 г. р. (зап. 2017 г.).
- MM, Платискис (ит. Platischis, словен. Plestišče) – жен. 1925 г. р. (зап. 2017 г.).
- MT, Вернасco (ит. Vernasso, словен. Barnas) – жен. 1943 г. р. (зап. 2017 г.).
- PT, Терцимонте (ит. Tercimonte, словен. Trčmun) – муж. 1956 г. р. (зап. 2018 г.).
- SB, Кросту (ит. Crostù, словен. Hrastovije) – жен. 1938 г. р. (зап. 2017 г.).
- VČ, Лузевера (ит. Lusevera, словен. Vardo) – муж. 1937 г. р. (зап. 2017 г.).